

надо мной!» («Жалоба»). Вторая дума — о возможных степенях свободы поэта. Драма выбора между тем, о чем говаривал Н. Гумилев: быть влюбленным — профессиональное условие поэта, и тем, что принято называть житейской добродетелью, отразилась не в одном стих. Щ.: «В тот страшный год, когда я был любим, / И сам любил, и это было плохо, / Рыдал тебя хранящий херувим, / Упав лицом в кусты чертополоха... / Я был любим и не играл тобой. / Но по пути, который нам неведом, / Мы много судеб тащим за собой, / И много клятв бредет за нами следом...» («В тот страшный год, когда я был любим...»). Третья дума — это сомнения в справедливости утверждения Достоевского, что «красота спасет мир». Щ. задает вопрос, может ли поэт изменить мир к лучшему: «И вот когда он стал совсем седым и старым, / И мог унять с трудом дрожание руки, / И проклинал свой дар, что был потрачен даром, / Тогда к нему пришли его ученики. / И он учил их так: „Возлюбленная лира / Свела меня с ума и привела в трактир. / Любите Божий мир, но не спасайте мира, / Поскольку все равно вы не спасете мир!“ («Дар»)). По сути, лирический герой спорит не столько с Достоевским, сколько со своей судьбой — судьбой поэта. Эта сквозная мысль книги Щ. перекликается и с лермонтовской «Молитвой», в которой поэт умоляет Творца избавить его от «страшной жажды песнопенья», и с блоковскими строками-отречением: «Молчите, проклятые книги! / Я вас не писал никогда!» («Друзьям»), написанными в зените демонического Серебряного века с его иступленным стихотворчеством.

Поэзию Щ. отличает скрытая эмоциональность и смысловая многослойность, внимание к детали и напевность стиха, лиричность и самоирония, часто горькая. А. Межиров писал в рецензии на дипломную работу Щ. (1987): «В его стихах есть тематическая многозначность, но ничто не нарушает впечатления естественности, цельности, органического единства. Романтический пафос сочетается со сдержанной, подчеркнуто прозаической интонацией... общий драматизм — с намеком на юмористическую нотку...» (Архив автора). Г. Красников отмечал в поэзии Щ. «очень солидную культуру стиха... изящество формы и современную оснащенность стихотворной техники» (Красников Г.— С. 319).

В 1998 Щ. вернулся в Лесотехнический ин-т, где стал преподавателем русского яз., защитил диссертацию о творчестве Нико-

лая Старшинова (2003), но, несмотря на уход в литературоведение, так и не сумел изжить свой стихотворный дар и сойти с пути поэта. Теперь он видит этот путь как путь искупления: «Печален путь до города Рязани. / И сам Господь, храня свой Третий Рим / Висящими по избам образами, / Не понимает, что мы здесь творим... / ...Печален путь до города Рязани. / И, кажется, с него нельзя свернуть. / Под низкими скупыми небесами / Все больше он похож на Крестный путь». Это путь на родину, к самому себе, к есенинским истокам, ведь Крестный путь, хоть он и скорбень, обещает Воскресение.

Соч.: Веселая судьба: стихотворения. М., 1986; Воскресная любовь: стихотворения. М., 1992; Как Иван-дурак жениться ходил: Стихи. Пьеса-сказка. М., 1998; Дар: Стихотворения. Пьеса-сказка. М., 2002; [Стихотворения] // Русская поэзия. XX век: Антология. М., 1999. 2-е изд. 2001.

Лит.: Попцов О. Молодость, творчество // Лит. газ. 1983. 16 марта; Шестинский О. Кто начал, тот не начинающий // Лит. газ. 1984. 29 февр.; Уляшов П. Я родился всерьез... // Лит. Россия. 1984. 18 мая; Куликова Л. Школа гражданственности и мастерства // Лит. газ. 1985. № 40; Уляшов П. Заказываю судьбу! // Лит. Россия. 1988. 30 сент.; Старшинов Н. О стихах С. Щербакова // Лит. учеба. 1989. № 2. С. 21–22; Калюжная Л. Своенравная власть вдохновения: [предисл.] // Щербак С. Дар: Стихотворения. Пьеса-сказка. М., 2002; Красников Г. Шопенгауэр нам не указ! // Красников Г. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба. М., 2002.

Л. С. Калюжная

ЩИПАЧЁВ Степан Петрович [26.12.1898 (7.1.1899), д. Щипачи Камышловского у. Екатеринбургской губ.— 1.1.1980, Переделькино, под Москвой] — поэт.

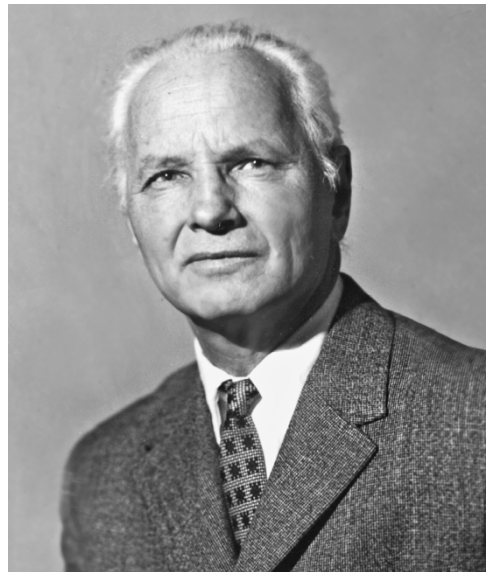
Сын крестьянина-бедняка. Рано осиротел, батрачил, работал на приисках (см. автобиографическую повесть Щ. «Березовый сок», 1955). Начал писать стихи (о деревне, войне, раненных солдатах, вернувшихся с фронта) еще учеником церковно-приходской школы. Свое лит. становление называл затыжным, проходившим замедленно и скрыто. В начале 1917 был призван в царскую армию. В апр. 1919 на станции Бугуруслан перебежал в Чапаевскую дивизию. До 1931 — в Красной Армии. Был командирован в Высшую военно-педагогическую школу, преподавал в военных школах Крыма и Москвы. В 1934 окончил лит. отделение Ин-та красной профессуры.

Первый сб. стихов — «**По курганам веков**» (Симферополь, 1923) наполнен, по выражению самого автора, «космориторикой» под влиянием лит. соратников из «Кузницы». Декларативны и сб. «**Одна шестая**» (1931), «**Наперекор границам**» (1932). В эти годы стихи Щ. чаще всего публиковались в ж. «ЛОКАФ» (позднее «Знамя»). В середине 1930-х в поэзии Щ. впервые зазвучала лирическая интонация. Большой резонанс получила книга «**Лирика**» (1939), контрастировавшая с аскетическим направлением в советском искусстве тех лет.

С начала Великой Отечественной войны Щ. — сотрудник фронтовой печати, выпустил сб. «**Фронтовые стихи**» (1942).

Заметный след в поэзии составила книга Щ. «**Строки любви**» (1945), от изд. к изд. (1954, 1956, 1960, 1964, 1972) пополнявшаяся новыми стихами. Это лирическая исповедь, «книга заповедей новой морали» (В. Огнев), в которой чувства облакаются в строки афоризмов. Крылатыми стали строки из стих. «**Пускай умру, пускай летят года...**» («Пускай я прахом стану навсегда. / Полями девушка пройдет босая. / Я встрепелусь, преодолевая тлен, / Горячей пылью ног ее касаясь, / Ромашкою пропахших до колен»), «**Вот ветер налетел упругий...**», «**Ты со мной — и каждый миг мне дорог...**», «**На ней простая блузка в клетку...**», «**Как хочешь это назави...**», «**Любовью дорожить умеете...**» («...Все будет: слякоть и пороша. / Ведь вместе надо жизнь прожить. / Любовь с хорошей песней схожа, / А песню не легко сложить») и др. «Степан Щипачев заговорил вполголоса, в изящных миниатюрах, в которых блеснет вдруг то ощущение вечности, то сегодняшнего грустного или счастливого мига, то кусок природы, то бытовая лирическая сценка. Это было необычайно! Это поражало. Было страшно за него, за его хрупкие, незащищенные четверостишья! Что там? Капля философии, капля вечности, капля красоты» (Винокуров В. С. П. Щипачев // Воспоминания о Степане Щипачеве. С. 62).

Щ. — мастер краткой поэтической зарисовки. Отличительные черты его манеры — простота, демократичность, скромность нефорсированного, спокойного голоса, известная назидательность. Он верил в «строки, без которых сегодня людям жить нельзя». В поэмах «**Домик в Шушенском**» (1944) и особенно «**Павлик Морозов**» (1949–50) Щ. отдал дань темам, официально считавшимся «гражданскими». Поэма «**Из Пере-**

С. П. Щипачев

делкинского дневника» (1969–70) — хроника обычных, будничных дел, зарисовки людей, картины природы, объединенные заинтересованным отношением поэта к делам и заботам мира.

Последние стихи Щ. в книге «**У горизонта**» (1982, сост. М. Матусовский) отмечены вниманием к внутреннему миру человека, открытостью, доверчивостью, спокойной собранностью души перед последней чертой: «Молодость! Она и не снится даже. / Так далека она, так далека! / О ней даже память всего не расскажет. / Начнет — и запнется строка» (1978); «Я не бодрюсь. Но стариком / Себя в работе не считаю, / Хотя порой под языком / Таблетка медленная тает» (1979).

В 1959–63 Щ. возглавлял Московскую писательскую организацию, поддерживал молодых писателей (о благородной позиции Щ. вспоминают Е. Винокуров, Е. Евтушенко, Г. Бакланов и др.).

Соч.: СС: в 3 т. М., 1976–77; Строки любви (1926–1977). М., 1979; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1988.

Лит.: Дементьев В. Сад под ливнем: Лирика С. Щипачева. М., 1970; Огнев В. «Все до пылинки — это жизнь моя...»: [предисл.] // Щипачев С. СС. М., 1976. Т. 1. С. 5–21; Матусовский М. «Пусть ветер времени перелистывает страницы моей души...» // Щипачев С. Избранное. М., 1988. С. 3–10; Воспоминания о Степане Щипачеве. М., 1989.

Н. Б. Банк